

Г. И. Шевченко

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ПЕРЕДАЧА НА РУССКИЙ

Большую группу латинских словосочетаний, от которых образованы русские кальки, составляют единицы адвербиального характера. Адвербиальные сочетания объединены общим значением характеристики действия и выполняют в предложении обстоятельственную функцию. В их состав входят знаменательные (существительное, прилагательное, причастие и др.) и служебные части речи (предлоги, союзы). Обстоятельные латинские конструкции бывают двух типов: беспредложные и предложные. В их образовании большую роль играет аблатив, а в образовании предложных сочетаний – также винительный падеж. Латинский аблатив (*Ablativus*) характеризуется сложной структурой значения. Семантическая емкость этого падежа определяется тем, что в нем слились значения трех древних падежей: 1) собственно *Ablativus*, который отвечает на вопрос «откуда?» (удаления, отделительный); в русском языке эту функцию взял на себя родительный падеж; 2) *Instrumentalis*, равный русскому творительному (орудия, орудийный); 3) *Locativus*, т. е. местный, соответствующий русскому предложному.

Многообразие значения аблатива очень рано потребовало его конкретизации и уточнения с помощью предлогов. Последние развились в латыни сравнительно поздно, первоначально в этой функции употреблялись застывшие формы существительных (*causa, gratia*), причастия (*versus, trans*), наречия (*usque*). Древние предлоги имели конкретные (преимущественно пространственные и временные) значения, возможность отвлеченной семантики появилась значительно позже. С развитием предлогов возникают формы предложного управления, а связь между частями выражается аналитическим путем. Поэтому начиная с классической эпохи наблюдается колебание в употреблении беспредложных и предложных оборотов. Подобное явление вполне естественно, если принять во внимание, что конструкции с предлогами и без них по своему основному значению часто совпадают – примеров их параллельного употребления в нашем материале много. Более экспрессивными являются предложные сочетания, которые обладают широкими возможностями выражения не только основных, но и более частных значений. Классическая латынь, тем не менее, ориентировалась на усложнение и дальнейшее развитие падежных значений [6, 94 и др.].

Среди адвербиальных сочетаний мы выделили следующие структурные модели.

1. Существительное (абл.) + прилагательное (Sub. Abl. + Adj.): *bono sensu* ‘в хорошем смысле’;

2. Существительное (абл.) + причастие (Sub. Abl. + Part.): *loco laudato* ‘в рекомендованном месте’;

3. Предлог + прилагательное + существительное (абл., вин.) (Praep. + Adj. + Sub. Abl., Acc.): *ad usum proprium* ‘для личного использования’;

4. Предлог + существительное (абл., вин.) + существительное (род.) (Praep. + Sub. Abl., Acc. + Sub. G.): *cum grano salis* ‘с крупинкой соли’;

5. Предлог + существительное (абл., вин.) (Praep. + Sub. Abl., Acc.): *ad modum* ‘по образцу’;

6. Предлог + прилагательное (абл., вин.) (Praep. + Adj. Abl., Acc.): *ad maximum* ‘до наибольшего’.

Количественный состав выражений разных подтипов неодинаков. Самыми многочисленными являются сочетания модели «предлог + существительное» – в [1] 112 единиц (т. е. более 12 % от общего числа словосочетаний). Второе место занимают выражения моделей 1, 3 и 5 – примерно по 25 единиц (т. е. 2,7 %) каждая; еще малочисленнее выражения моделей 2 и 6 (10–15 единиц). В [1] отмечены и другие виды адвербиальных сочетаний, каждый из которых насчитывает менее десятка единиц. Они представляют интерес только потому, что иллюстрируют разнообразие латинских адвербиальных сочетаний. Вот несколько примеров:

1. Предлог + причастие (Praep. + Part.): *post scriptum* ‘после написанного’.

2. Предлог + местоимение (Praep. + Pron.): *inter nos* ‘между нами’.

3. Предлог + существительное + предлог + существительное (Praep. + Sub. + Praep. + Sub.): *ab equis ad asinos* ‘из коней в ослы’.

4. Предлог + герундий (Praep.+ Ger.): *ad disputandum* ‘для обсуждения’.

5. Существительное + союз + существительное (Sub.+ Conj. + Sub.): *igni et ferro* ‘огнем и железом’ и др.

1. Модель «существительное (абл.) + прилагательное».

Одну из наиболее типичных разновидностей адвербиальных сочетаний латинского языка представляют выражения, состоящие из беспредложного аблатива и согласованного зависимого слова: «существительное (абл.) + прилагательное», а например: *sensu stricto* ‘в узком смысле’. К ним примыкают сочетания с определяющим словом – причастием (*januis clausis* ‘при закрытых дверях’) и реже – местоимением

(*ipso facto* ‘самим фактом’) или числительным (*prima facie* ‘на первый взгляд’).

Беспредложные конструкции в аблативе – это особое и системное явление латинского языка. Об этом отчасти говорит тот факт, что славянские кальки обстоятельственных выражений часто образуют различные предложные модели¹. Подобные примеры (соотносительность: беспредложная – предложная конструкция) хорошо иллюстрируют различие языков в средствах формального выражения того или иного значения. Только сочетания, в которых аблатив выражает значение творительного, могут передаваться идентичными с латинскими беспредложными образованиями (см. ниже).

В латинских сочетаниях несколько преобладает препозиция имени существительного, а так как подобный порядок слов для славянских языков нетипичен, то во всех этих случаях при калькировании происходит перестановка компонентов. Ср.: *manu armata* ‘рукой вооруженной’ и рус. *вооруженной рукой*, укр. *озброєною рукою*, польск. *zbrojną ręką*; *loco citato* ‘в месте цитированном’, рус. *в цитированном месте*, чеш. *na citovaném místě*. В отличие от других моделей здесь достаточно часто наблюдается и иная последовательность компонентов, тогда отмеченного различия в исконных сочетаниях и кальках нет. Ср.: *mea memoria*, рус. *на моей памяти*, бел. *за маю памяць*, укр. *за моєї пам’яті*, польск. *za mojej pamięci*. Во многих случаях порядок слов не является, видимо, строго закрепленным, о чем свидетельствует отсутствие единого принципа в подаче выражений данной модели в разных словарях, а иногда и в одном словаре, например: *manu propria*, *propria manu* – рус. *рукой собственной*, *собственной рукой* [1, 432, 630]. В соответствии с большим семантическим потенциалом аблатива и неоднородностью значений латинских словосочетаний (которые выступают в разнообразных обстоятельственных функциях) имеется несколько способов их перевода на русский (и другие языки). Отдельные приемы представим в последовательности, которая отражает частотность применения данного метода.

Чаще всего латинский аблатив передается в форме творительного падежа без предлога. Ср.:

expressis verbis – отчетливыми словами

manu militari – воинской рукой

largo manu – щедрой рукой

¹ В славянских языках, как писал А. В. Исаченко [4, 8], беспредложный местный был заменен новым «предложным» падежом.

Вторым распространенным способом передачи аблатива является конструкция в предложном падеже. Например:

sensu stricto – в узком смысле
omni casu – во всяком случае, в любом случае
avisibus bonis – при хороших предзнаменованиях

В некоторых кальках на месте существительного в аблативе находим дательный падеж с предлогом. Например:

jure humano – по человеческому закону
proprio motu – по собственному побуждению (почину)
tacito consensu – по молчаливому согласию

Следующий способ перевода – это творительный падеж с предлогом. Ср.:

manibus puris – с чистыми руками
optima fide – с полным доверием
bona mente – с добрыми намерениями

И лишь в отдельных случаях аблативу соответствует при переводе винительный с предлогом. Например:

toto caelo – на целое небо

Для сочетаний, в которых определение выражено причастием, самыми характерными способами перевода являются следующие:

1) передача аблатива творительным падежом (с предлогом или без него), например:

currenate calamo – беглым пером
viribus unitis – объединенными усилиями

2) передача аблатива в форме предложного падежа, например:

januis clausis – при закрытых дверях
loco citato – в цитированном месте

При помощи таких же приемов передаются сочетания с определяющим словом-местоимением. Ср.: 1) *ea tempestate* – рус. в ту пору (винительный падеж с предлогом); 2) *hac via* – рус. этим путем (творительный падеж без предлога); 3) *sponte sua* – рус. по собственному почину (дательный падеж с предлогом).

Итак, латинский аблатив передается в славянских языках не только идентичными падежами – творительным и предложным, но и при помощи других форм (родительного, дательного, винительного). Сходство некоторых латинских и славянских падежных форм – это сходство их отдельных значений. Из приведенных примеров следует, что существительное во всех случаях передается именем существительным, а при-

лагательное – обычно также адекватным образом. Лишь в немногих сочетаниях произошла замена прилагательного другими частями речи, например местоимением (*omnibus rebus* – рус. *обо всех вещах*). Прилагательное может заменяться причастием и наоборот. Ср.: *manu intrepida* – рус. *недрогнувшей рукой* (прилагательное *intrepidus* переводится на русский ‘бестрепетный, неустрашимый, бесстрашный’) [3, 550] или *currente calamo* – рус. *беглым пером* (букв. ‘бегущим пером’).

При калькировании изредка допускаются незначительные неточности в форме выражения отдельных грамматических категорий. К примеру, в латинском выражении *omni casu* существительное (а следовательно, все выражение) имеет форму единственного числа, а в переводе [1, 554] в одном из вариантов употреблено множественное число: *при всех случаях*. Можно отметить, что в [2, т. 2, 960] существительное передано точно (*во всяком случае*); при подаче сочетания *bonis auspiciis* имеет место противоположный случай – идентичную с латинским форму существительного (т. е. множественное число: *при хороших предзнаменованиях*) находим в [1, 104] и менее точную (*с хорошим предзнаменованием*) в [2, т. 1, 170]. Несоответствие категории числа может мотивироваться значением одного из компонентов. Этот случай наблюдается в сочетании *omni modo*, которое передается формой множественного числа (рус. *всеми способами*, польск. *wszelkimi sposobami*); вариант *всем способом* здесь невозможен, хотя возможен другой – *любым способом*. Еще пример. Прилагательное *optima* имеет значение *наилучшая*; в соответствии с этим выражение *optima forma* в словаре «Крилаті латинські вислови» [7, 125] передано как *в наилучшей форме* (ср. укр. *у найкращій формі*, польск. *w najlepszej postaci*), но иногда превосходная степень заменяется сравнительной, например: рус. *в лучшей форме* [1, 557] (последнее выражение является, как нам кажется, более благозвучным).

Некоторые различия в форме передачи (например, предложного управления) обнаруживаются при сравнении калек разных славянских языков, что объясняется несовпадением в них отдельных грамматических категорий. Так, лат. *motu proprio* в рус. имеет форму *по собственному желанию* (дательный падеж), в укр. *з власної охоти*, в польск. *z własnej woli* (родительный падеж). Различия формы могут касаться структурной модели в целом. Ср.: *suo tempore* – рус. *в свое время*, бел. *у свой час* (предложная конструкция с винительным падежом), укр. *свого часу*, польск. *swego czasu* (родительный падеж без предлога), чеш. *svůj časem* (творительный падеж без предлога).

В результате анализа структурных особенностей латинских сочетаний и русских калек мы пришли к выводу, что, если отвлечься от неко-

торых формальных расхождений, те и другие можно считать адекватными друг другу. Кальки, по большей части, полностью соответствуют своим прототипам, и вместе с тем не нарушены правила построения словосочетаний в принимающем языке.

Выше мы рассматривали кальки-словосочетания. Но обстоятельные выражения в ряде случаев можно заменить наречием. Наибольшую близость обнаруживают сложные наречия, мотивированные семантикой обоих компонентов сочетания (полное смысловое тождество, функциональная адекватность, одинаковый строительный материал), ср.: *manu propria* – рус. *собственной рукой* – **собственноручно** (польск. *własnoręcznie*) от *manus* ‘рука’ и *proprius* ‘собственный’. По способу передачи (словосочетанием или словом) языки могут различаться между собой, образуя своеобразные варианты. Ср.: лат. *manu brevi*, рус. *на скорую руку*, бел. *на борздю (скорую) руку*, укр. *нашвидкуруч*. В соответствии с тем, что для славянских языков характерна иная сочетаемость слов, здесь имеет место единичный перевод прилагательного: ‘скорый’ вместо ‘короткий’ (*brevis*). Буквальная передача (‘короткой рукой’) представлена в [2, т. 1, 178], однако эта калька, как известно, не употребительна.

Отмечены случаи, когда передача наречием является единственно возможным способом точной передачи. Ср.: лат. *bona fide* и рус. эквивалент *добросовестно*, при невозможности сказать *с доброй совестью* (ср. с *чистой совестью*), от *bonus* ‘хороший, добрый’ и *fides* ‘вера, доверие, верность, добросовестность, честность’. (По-иному передано это значение в западнославянских языках, ср. чеш. *v dobré věře* и польск. *w dobrej wierze*.)

Что касается смысловой структуры калек, то в целом и в этой модели выявлены отмеченные выше закономерности передачи – чаще всего используются прямые лексические эквиваленты. Несмотря на главенствующую тенденцию к точному копированию, избежать некоторых различий не представляется возможным. И это вполне естественно. Смысловые различия могут быть, в частности, следствием того, что разные языки исходили при калькировании из различных значений латинского слова, как это произошло при переводе сочетания *bona fide*. Здесь могли сыграть роль различные контексты употребления словосочетания и образования по аналогии. Факты семантического несоответствия эквивалентов наблюдаются и в одном языке. Скажем, многозначное существительное *motus* [3, 650] в выражении *motu proprio* передано на русский язык при помощи разных приемов (ср. *собственным движением* – *по собственному побуждению (желанию, почину)*). Существи-

тельные соответствуют отдельным значениям латинского слова ('движение', 'побуждение'), но эти значения неблизкие, поэтому выражения не синонимичны. Носитель русского языка отдаст предпочтение сочетанию *по собственному побуждению*, а выражение *собственным движением* отнесет к области терминологии. Менее точные образования (*по собственному почину (желанию)*) возникли, возможно, на основе ассоциативных связей (побуждение – желание – почин).

Семантическая неадекватность между отдельными компонентами сочетаний возникает и тогда, когда не совпадают их синтагматические связи. Ср.: *prima facie* – *по первому виду* (буквальный перевод) и общепотребительные рус. *на первый взгляд*, бел. *на першы погляд*, польск. *na pierwszy rzut oka* и т. д.

Если посмотреть на наши примеры со стороны смысловой связи между определяемым и определяющим, то окажется, что зависимый компонент во многих случаях не является обязательным. Ср. *omni casu* – рус. *во всяком случае / в случае*. Реже имеет место другой случай, когда определенная форма главенствующего слова без наличия зависимого неинформативна. Ср. *tanibus puris* – рус. *с чистыми руками / с руками (?)*. Тесная связь компонентов особенно отчетлива в сочетаниях, которые переводятся творительным беспредложным падежом. Здесь обратим внимание на особенности некоторых идиом. Сочетание *pode claudio* имеет в [1, 583] буквальный перевод *хромую стопою*, т. е. 'медленно'. Исходя из значения прилагательного *claudus* 'хромой', воссоздать значение этой идиомы (как оно дается в [3, 193]: 'хромая, ковыляя'), видимо, можно, но в целом точный перевод вряд ли необходим, так как подобное сочетание для русского языка нетипично. Другой пример. Без отступления передано на русский выражение *viva voce*, т. е. *живым голосом* [3, 867]. В этом случае калька страдает, как нам кажется, другим недостатком: она может вызвать довольно разнообразные представления, например: *быстро, громко, с оживлением (говорить)*, тогда как значение сочетания – *в устном разговоре*. К разряду калек, основанных на нетипичных для носителя русского языка представлениях, относится и фразеологизм *ore rotundo* (букв. 'ртом округленным') [2, т. 2, 970], т. е. *складно, стройно, живым языком (говорить)* [1, 561].

2. Модель «предлог + прилагательное + существительное (абл., вин.)».

Представленная здесь модель является, по существу, разновидностью предыдущей. Несмотря на небольшое количество примеров (30 единиц в [1]), она, как можно судить на основе других словарей, была довольно продуктивной. Предложные словосочетания конкурировали с беспред-

ложными. В этом проявилось стремление литературной латыни сохранить флективные формы, несмотря на все возрастающую роль предлогов в народно-разговорной речи. О параллельном функционировании тех и других образований, их смысловой тождественности говорят многочисленные примеры. Ср.: *in imo pectore* // *imo pectore* ‘в глубине души’, *ad usum proprium* // *usum proprium* ‘для собственного использования’ и др.

В аналогичных выражениях русского языка порядок компонентов постоянный (предлог – прилагательное – существительное). В латинских словосочетаниях зависимое слово также обычно предшествует главному (*ad meliora tempora* ‘до лучших времен’), но имеет место и обратное явление (*ad Calendas Graecas* ‘до календ греческих’) и обычное в таких случаях варьирование порядка слов, чему немало способствует наличие третьего компонента – предлога. Особенность системы латинского языка проявляется в том, что предлог по традиции (которая восходит к периоду, когда в этой функции выступали полнозначные слова) может занимать не только первое место. Односложные предлоги нередко располагаются между определением и определяемым существительным, например: *magna ex parte* ‘по большей части’, *certis de causis* ‘по известной причине’ и т. п. В отдельных случаях наблюдаются колебания: *magna cum laude* // *cum magna laude*.

Таким образом, при калькировании иногда возникает противоречие между неустойчивым порядком слов в латинском языке и стабильным – в славянских языках, отсюда неизбежные формальные расхождения. Ср.: *in tempore opportuno* (букв. ‘во **время** удобное’) и рус. *в удобное время*, укр. *у зручний час*. Исключение среди славянских калек представляют в ряде случаев польские переводы, где, как говорилось ранее, позиция определяющего члена обычна. Ср.: *pro bono publico*, рус. *ради общего блага*, укр. *для загального добра*, чеш. *k obecnému dobru*, польск. *dla dobra ogólnego*.

В роли определения, кроме прилагательного, изредка выступают другие части речи, например: *in prima instantia* ‘в **первой** инстанции’, *ea de causa* ‘по **этой** причине’ и т. п. (выделять подобные примеры мы в дальнейшем не будем). Имя существительное (в единственном или множественном числе) имеет форму либо аблатива, либо винительного падежа, который в этом случае выступает в периферийном для него обстоятельстве значения (т. н. *accusativus adverbialis*). Конструкции с аблативом переводятся на русский в основном теми же, что и в латыни, частями речи, но при помощи более разнообразных грамматических форм: наряду с предложным и творительным здесь выступает также

родительный падеж. При этом, в отличие от сочетаний предыдущей модели, кальки (за редкими исключениями) являются предложными сочетаниями. Приведем примеры:

1) аблатив передается конструкцией в предложном падеже. В анализируемой модели это наиболее распространенный вид передачи. Ср.:

in sancta simplicitate – в святой простоте

sub alia forma – в иной форме

2) латинскому аблативу соответствует творительный падеж:

cum eximia laude – с особой похвалой

sub alia specie – под другим углом зрения

3) аблатив переведен родительным падежом:

absque omni exceptione – без всякого исключения

pro bono publico – ради общего блага

Адвербиальные сочетания, в которых существительное закреплено в форме винительного падежа, передаются обычно родительным. Ср.:

ad Calendas Graecas – до греческих календ

ad meliora tempora – до лучших времен

Можно отметить, что есть сочетания, калькирование которых (в связи с многозначностью имени существительного или прилагательного) осуществляется при помощи разных лексем и даже в неодинаковой грамматической форме. Так, выражение *ob turpem causam* имеет в русском языке эквиваленты: *по постыдному поводу*, *из-за постыдной причины*. В первом варианте в соответствии с предложным управлением (по ... чему) использован дательный падеж, во втором по той же причине – родительный падеж (из-за ... чего). Разные способы выражения одного содержания могут определяться и многозначностью служебного слова. Например, предлог *pro* имеет несколько переносных значений ('в защиту кого, в интересах кого, за кого' и др.). Как следствие этого, латинское выражение *pro domo mea* имеет в русском форму *в защиту моего дома*, а в чешском – *pro svůj dom* ('для своего дома').

Прилагательные в сравнительной или превосходной степени переводятся адекватно – синтетическим или аналитическим путем. Ср. *in optima forma* – в наилучшей форме, *in sensu strictiori* – в более узком смысле. В последнем случае калька не соответствует латинскому сочетанию по количеству компонентов, однако это совершенно несущественное различие.

Среди наших примеров имеется несколько калек, которые только частично соответствуют данному структурному образцу, они образова-

ны по модели «предлог + существительное + существительное (род.)». Ср.:

ex providentia majorum – по предвидению предков
in imo pectore – в глубине души
in medias gentes – в гуцу народов
in medias res – в середину вещей
per argumentum baculinum – при помощи палочного аргумента

Рассмотрим причины происшедших замен. В первом случае латинское сочетание, переданное буквально, означает ‘по предвидению старших’. В связи с тем, что прилагательное *major* в определенном лексическом окружении может принимать значения ‘старый, старший, старик, пожилой’ и т. п. [3, 612], в сочетании на основе близости ассоциаций произошла подмена (ср.: *предвидение старших, стариков* и т. д. – *предвидение предков*), вполне оправданная содержанием целого. Интересно отметить и другой вариант перевода этого сочетания: *по высшей предусмотрительности* [2, 460]. Существительное *providentia* включает и такое значение, а семантика прилагательного настолько широка, что допускает в известном контексте подобное понимание.

Выражение *in imo pectore* состоит из предлога *in* ‘в’, прилагательного (*infimus* (превосходная степень от *in-ferus*) и существительного *pectus* ‘душа’, ‘сердце’. При калькировании сыграли роль два фактора: а) близость представлений (ср.: самый низ (души) – глубина (души)), б) законы сочетаемости русского языка (это же прилагательное в соединении с другими словами получает другие единичные переводы, например: *ima maris* ‘дно моря’).

Несколько фразеологически связанных значений имеет в зависимости от конкретного лексического окружения прилагательное *medius* (включающее такие семы: ‘находящийся посреди, средний, центральный, существенный, относящийся к сущности’ и др.) [3, 625]. В сочетании с существительными, называющими людей, и некоторыми другими оно передается существительным *гуца*, ср.: *in medias gentes* – в гуцу народов (*gens* ‘племя, народность, народ’), *in medios hostes* – в гуцу неприятеля.

Сочетание *in medias res* имеет перевод *в середину вещей* (ср. чеш. *v prostřed věci*, польск. *w środek rzeczy*) и переносные значения: *в самую суть (вопроса, дела), к самому важному (главному) (переходить)* и т. п. В обоих приведенных случаях предложная форма существительных (*в гуцу, в середину ... чего*) определяет наличие существительного в родительном падеже.

Аналогичный случай имеет место и в последнем из приведенных словосочетаний: необходимость родительного падежа вызвана тем, что предлог *per* употребляется не в основном своем значении (определение места, времени): ‘посредством чего, при помощи чего’ и т. п.

Кальки разных славянских языков в большей части адекватны. Ср. еще: *contra bonos mores* – рус. *против добрых нравов*, чеш. *proti dobrým mravům*, польск. *przeciwko dobrym obyczajom*; *ad multos annos* – рус. *на долгие годы*, укр. *на багато років*, польск. *do wielu lat*. Существенную роль играет при этом, несомненно, аналогия (особенно внутри каждой группы языков). Кальки возникли в разное время, и при их создании образцом служил не только латинский язык, но и имеющиеся в наличии образования родственных языков (а также западноевропейских). Не следует сомневаться и в возможности посредственного заимствования, но исследовать этот вопрос следует отдельно.

В заключение сделаем вывод: латинские сочетания по модели «предлог + прилагательное + существительное (абл., вин.)» передаются в славянских языках как: 1) «предлог + прилагательное + существительное (предл., твор., род.)», 2) «предлог + существительное + существительное (род.)».

3. Модель «предлог + существительное».

Как было показано выше, синтаксические отношения выражались в латинском языке и с помощью служебных слов, в том числе – предлогов. В результате этого в системе фразеологии образовалась значительная группа устойчивых предложно-падежных сочетаний («предлог + существительное», «предлог + прилагательное», «предлог + причастие» и др.). Наиболее многочисленными являются сочетания, образованные по модели «предлог + существительное» (*ad modum* ‘по образцу’, *ex jure* ‘по праву’, *cum deo* ‘с богом’ и др.). Подобные выражения представлены в [1] в количестве 110 единиц (несколько более 12 % сочетаний), однако анализ других сборников, из которых извлечены десятки новых примеров, свидетельствует о том, что данная модель принадлежит к числу самых продуктивных¹. Отчасти это объясняется тем, что немалое количество предложно-падежных сочетаний возникло в результате редукции более распространенных единиц. Ср.: *ad absurdum / reductio ad absurdum* ‘сведение к абсурду’; *ad hominem / argumentum ad hominem* ‘аргумент к человеку’; *coram populo / coram populo, senatu et patribus* ‘в присутствии народа, сената и патрициев’ и т. п.

¹ Большая продуктивность отличает эту модель и в русском языке. Так, по предварительным подсчетам А. Н. Тихонова [5, 261], число предложно-падежных сочетаний превышает 2 тыс. единиц.

Устойчивые образования «предлог + существительное» ограничатся в латыни двумя падежными формами (вин. и абл.). Исторически это обусловлено тем, что названные падежи выражали первичные смысловые отношения (пространственные и временные), характерные для архаической латыни. Исключения из этого правила единичны: сочетания с предлогами *causa, gratia* (первоначально – имена) имеют форму родительного падежа.

В состав сочетаний, которые стали устойчивыми, входят далеко не все предлоги. Наибольшую активность выказывают такие, как *ad, ex, in, per, post, pro, sub*, менее употребительны – *ab, ante, sine* и др. Отдельные предлоги выступают как взаимозаменяемые. Ср.: *ex jure / de jure* ‘по праву’; *exempli causa / exempli gratia* ‘ради примера’ и т. п.

Вопрос о месте предложно-падежных сочетаний в системе языка в отечественном языкознании являлся долгое время спорным. Одни исследователи (А. М. Бабкин, А. И. Молотков, Л. И. Ройзензон и др.) причисляли подобные образования к фразеологизмам, другие (А. В. Кунин, Н. М. Шанский, И. И. Чернышева) – к лексике. В последнее время стала преобладать первая точка зрения.

Каковы же объективные возможности эквивалентной передачи предложно-именных сочетаний, своеобразие которых заключается в том, что они состоят из одного полнозначительного и одного служебного слова? Изучение процесса калькирования позволило нам сделать вывод о том, что его результативность находится в прямой связи с таким фактором, как количество компонентов. Предложно-именные сочетания минимальны по числу составляющих и в качестве таких поддаются переводу легче, чем многокомпонентные образования. Следует тут же оговориться, что сказанное касается, главным образом, лишь формы выражения: предложно-падежные сочетания передаются в большинстве случаев идентичным образом, т. е. как группа «предлог + существительное». Ср.: *ad manum* – рус. *под рукой*, бел. *пад рукой*, польск. *pod ręką*; *ex animo* – рус. *от души*, бел. *ад душы (ад сэраца)*, польск. *z duszy (z serca)*; *in absentia* – рус. *в отсутствие*, чеш. *v nepřítomnosti*, польск. *podczas nieobecności* и др.

При калькировании имеются, разумеется, некоторые отступления от оригинала. Отметим наиболее типичные факты:

1) латинские простые предлоги переводятся в определенных значениях славянскими составными именными предлогами, например: *per appositionem* – рус. *с помощью приложения*; *per exclusionem* – рус. *в виде исключения*; *per obitum* – польск. *z powodu śmierci*; *per procura* – польск. *na mocy pełnomocnictwa*, *coram populo* – рус. *в присутствии*

naroda, польск. *wobec ludu*; *ex voto* – рус. *по обету*, польск. *na zasadzie ślubowania*;

2) одной латинской лексеме соответствует в том или ином языке сочетание слов, например: *contra rationem* – рус. *вопреки здравому смыслу*, *in naturalibus* – рус. *в естественном состоянии*, польск. *w stanie naturalnym*; *in pleno* – рус. *в полном составе*, польск. *w pełnej liczbie*.

Менее закономерны (хотя также в известной степени мотивированы) другие случаи несоблюдения формального тождества с прототипами. Скажем, при передаче латинского выражения наблюдается тенденция уточнить значение знаменательного слова, полнее раскрыть его, что достигается, например, введением нового компонента. Кроме того, немалую роль играет и такой фактор, как благозвучность калькированного выражения. Например, латинское *in minus* имеет в русском языке стилистически более обработанную форму, чем в польском (ср.: рус. *в сторону понижения* – польск. *na niżkę*).

Поскольку анализируемые выражения являются обстоятельствами, на месте предложных сочетаний может выступать наречие – в качестве единственного эквивалента или же как синоним к предложно-падежному обороту. Ср.: *ad oculos* – рус. *наглядно, воочию*, польск. *naocznie* и чеш. *před oči*; *ex abrupto* – рус. *внезапно, сразу, без (предварительной) подготовки*, чеш. *spatrá, bez přípravy*, польск. *nagle, niespodziewanie, bez przygotowania*. Переводы наречием не являются фразеологическими кальками и нами не рассматриваются.

В связи с неадекватностью предложного управления в разных языках, латинские винительный и аблатив передаются при помощи большего числа падежных форм, причем эти формы в славянских языках нередко различаются.

Что касается степени семантической слитности компонентов предложно-падежных сочетаний, то она неодинакова, и в этом отношении данные выражения не отличаются от сочетаний других моделей. Рассмотрим для примера калькирование идиом. Ср.:

a capite – *от головы* (т. е. от начала)

ab incunabulis – *с пеленок, с колыбели* (т. е. с самого начала, с момента возникновения)

ab ovo – *от яйца* (т. е. от того, что было в самом начале)

ad patres – *к (пра)отцам, к предкам* (т. е. на тот свет)

extra muros – *вне стен* (т. е. за пределами чего-либо)

Как явствует из приведенных примеров, в значении кальки сосуществуют два смысловых плана – прямой и обобщенно-переносный. Если учесть при этом, что предлоги в таком употреблении в большей или

меньшей степени утрачивают свои первичные конкретные значения, то есть основание говорить о переосмыслении как лексических, так и грамматических значений.

Среди исследованных выражений заметное место занимают термины с разной степенью фразеологизации, например: *absque nota* – без пометы, *ad valorem* – по стоимости, *in vitro* – в стекле (т. е. в пробирке), *sine anno* – без (обозначения) года и др. К терминам близки различные устойчивые штампы – ситуативно используемые формулы. Например: *ad acta* – в дело (т. е. в архив), *ad notam* – для заметки (т. е. к сведению), *ad usum* – для употребления (т. е. для использования), *honoris causa* – ради почета, *ad locum* – к (данному) месту (помета, вводящая цитату) и т. п.

Идиоматические значения возникают, как правило, на основе закономерного и логического обобщения и абстрагирования наблюдаемых фактов. Противоположные случаи сравнительно редки: они имеют место, когда латинское выражение отражает незнакомую славянам реалию римского или средневекового западноевропейского быта. В анализируемой группе такие сочетания, например: *ad bestias* – к зверям (т. е. на растерзание хищным зверям в римском цирке); *sub corona* – под венком (венки надевались на продаваемых в рабство военнопленных); *in effigie* – в изображении (выражение возникло в средние века на основе обычая сжигать изображение преступника в случае его недостижимости) и др. Понимание устойчивых сочетаний, образный план которых воспроизводит национально ограниченные реалии, невозможно без соответствующей подготовки, определенных фоновых знаний.

Восприятие идиомы затрудняется и тогда, когда она представляет собой часть («осколок») другого фразеологизма и может быть осмыслена лишь на его фоне. Так, неинформативно само по себе выражение *sine linea* – без штриха (черточки, линии), оно приобретает смысл как часть крылатого выражения *Nulla dies sine linea* – Ни дня без штриха (черточки, линии). То же самое можно сказать по поводу сочетания *ultra crepidam* – выше сапога, произведенное от выражения *Ne sutor ultra crepidam* – Сапожник, (суди) не выше сапога¹. Оба приведенных сочетания в дальнейшем переосмыслились, расширили свое значение.

Корректная апперцепция иноязычного сочетания невозможна в ряде случаев без конкретного контекста. К примеру, буквальная передача латинской идиомы *in nuce*, т. е. ‘в орехе’, ничего не говорит об ее значении, оно выявляется из текста Плиния – ‘в зародыше’, в расширенном смысле: ‘в самом главном, в самом существенном’.

¹ Оба выражения основаны на рассказах Плиния Старшего о древнегреческом живописце Апеллесе [1, 530 и 492].

Исследование латинских фразеологизмов, их славянских калек подтверждает известное положение о том, что типовые значения одного языка выражаются в другом также типовыми моделями. С течением времени выработались определенные приемы передачи, и латинские синтаксические конструкции имеют постоянную и узаконенную практикой форму выражения в каждом языке.

В ходе анализа отдельных структурных моделей было установлено, что значительная часть славянских калек представляет собой достаточно точные эквиваленты латинских фразеологизмов. Утверждая это, мы имеем в виду прежде всего внешнюю сторону, т. е. форму выражения, так как тождество плана содержания является заданным и подразумевается само собой (в той мере, в какой это возможно между разными языками).

Литература

1. *Бабичев, Н. Т.* Словарь латинских крылатых слов / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. М., 1982.
2. *Бабкин, А. М.* Словарь иноязычных выражений и слов / А. М. Бабкин, В. В. Шендцов. Т. I, 2-е изд. М., 1981; т. II, 1-е изд. М.; Л., 1966.
3. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. 2-е изд. М., 1976.
4. *Исаченко, А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология / А. В. Исаченко. Братислава, 1965.
5. *Тихонов, А. Н.* Наречные слова и выражения в русском языке (В связи с проблемой «Фразеологизм и слово») / А. Н. Тихонов // Труды СамГУ, вып. 178. Вопросы фразеологии III: сб. науч. ст. Самарканд, 1970.
6. *Тронский, И. М.* Очерки из истории латинского языка / И. М. Тронский. М.; Л., 1953.
7. *Цимбалюк, Ю. В.* Крилаті латинські вислови / Ю. В. Цимбалюк, Г. О. Краковецька. Київ, 1976.

УДК 80(082)
ББК 80я43
Ф54

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент *А. В. Гарник*;
кандидат филологических наук, доцент *О. Г. Прокончук*;
кандидат филологических наук, доцент *А. З. Цисык*;
кандидат филологических наук, доцент *Г. И. Шевченко*;
старший преподаватель *К. А. Тананушко*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. А. Кожина*;
кандидат филологических наук, доцент *Т. П. Казакова*

Ф54 **Филологические** штудии = *Studia philologica* : сб. науч. ст. /
под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко ; редкол. : А. В. Гарник
[и др.]. – Вып. VII. – Минск: БГУ, 2009. – 163 с.
ISBN 978-985-518-201-7.

В седьмом выпуске сборника «Филологические штудии» представлены статьи, посвященные проблемам классической филологии, рецепции античной культуры в европейскую, греко-латинской терминологии, даются переводы латинских текстов на белорусский язык.

УДК 80(082)
ББК 80я43

ISBN 978-985-518-201-7

© БГУ, 2009

ОБ АВТОРАХ

Гарник Антонина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Гомон Дмитрий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Забродская Ольга Святославовна – преподаватель латинского языка юридического колледжа Белорусского государственного университета.

Капитула Людмила Семеновна – доцент кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Кириченко Арина Владимировна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Кузнецова Елена Леонидовна – преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Мокрицкая Татьяна Петровна – преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Мушнинна Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания Санкт-Петербургского государственного университета им. А. И. Герцена.

Нарбутас Сигитас – доктор гуманитарных наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела иностранной литературы Института литературы и фольклора Литовской Республики.

Некрасевич-Короткая Жанна Вацлавовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современных иностранных языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Приставко Егор Владимирович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Прокопчук Ольга Генриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Сединина-Барковская Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Стрижевич Екатерина Викторовна – преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Тананушко Кир Алексеевич – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Федосеева Татьяна Валерьевна – преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Цисык Андрей Зиновьевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Шевченко Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой классической филологии Белорусского государственного университета.

Шкурдюк Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.